

Научная статья
УДК 94(47).084
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-166-177>

Протоиерей Янис Намниекс в зеркале истории Латвийского Православия 1920–1940 гг.: новые свидетельства

Иван Васильевич Петров

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
ivanpet1990@hotmail.com, i.petrov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3692-7938>

Аннотация. В истории Православной Церкви в Латвии сложно найти человека, который бы более однозначно выступил за предоставление независимости своей юрисдикции как протоиерей Янис (Иоанн) Намниекс. Сразу же после обретения Латвийской республикой независимости отец Иоанн представлял тех немногих духовных лиц и мирян, которые противостояли «пророссийской» линии. После назначения в Ригу этнического латыша архиепископа Иоанна (Поммерса), деятельность сторонников автокефалии снизилась и в 1920–1930-е гг., отец Янис Намниекс занимался строительством и обустройством храмов в латвийской провинции. Однако после трагической гибели, убийства владыки Иоанна (Поммерса), отец Янис стал одним из действующих лиц в жизни Латвийской Православной Церкви и всячески помогал новому митрополиту Августину (Персонсу), главе православных в Латвии. Митрополит Августин и его окружение направили жизнь Православной Церкви в Латвии в сторону Константинополя. После того как начался процесс присоединения Латвии к Советскому Союзу, по Латвии прокатилась волна репрессий, в числе арестованных новыми властями оказался и отец Янис. В ходе допросов отец Янис Намниекс сначала согласился сотрудничать с советскими следователями, однако впоследствии признался, что сделал это для того, чтобы обезопасить самого митрополита Августина и сообщать ему о том, что интересуют советские специальные органы. В 1942 г. священник Янис Намниекс скончался в заключении. Статья также рассказывает об отношениях в семье отца Яниса, в том числе благодаря записанному в начале 1990-х гг. интервью дочерей протоиерея Яниса Намниекса.

Ключевые слова: Янис Намниекс, Латвийская Православная Церковь, Латвия, Советский союз, церковное возрождение, репрессии, Вторая мировая война, духовенство, воспоминания

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук NoMK-4539.2021.2 «Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941–1991 гг.».

Для цитирования: Петров И. В. Протоиерей Янис Намниекс в зеркале истории Латвийского Православия 1920–1940 гг.: новые свидетельства // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 166–177. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-166-177>

Original article

Archpriest Janis Namnieks in the history of Latvian Orthodoxy, 1920-1940: new sources

Ivan V. Petrov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
ivanpet1990@hotmail.com, i.petrov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3692-7938>

Abstract. In the history of Orthodox Latvia it is difficult to find a person who more reflects the difficult era of the 1920-1940s in his life than an Archpriest Janis Namnieks. Immediately after the independence of the Republic of Latvia Father Janis had represented those few clergy and laity who opposed the “pro-Russian” line. After the appointment of the ethnic Latvian Archbishop John (Pommers) to Riga, the activity of supporters of autocephaly declined, and in the 1920–1930s Father Janis Namnieks was engaged in the construction and arrangement of churches in the Latvian province. Metropolitan Augustine and his entourage directed the life of the Orthodox Church in Latvia towards Constantinople. After the process of joining Latvia to the Soviet Union began a wave of repressions swept through Latvia, and Father Janis was among those arrested by the new authorities. During interrogations Father Janis Namnieks initially agreed to cooperate with Soviet investigators, but later admitted that he did this in order to protect Metropolitan Augustine himself and to inform him of what the Soviet special authorities were interested in. In 1942 the priest Janis

© Петров И. В., 2022

Namnieks died in prison. Defending the interests of Latvian Orthodox Christians in the minds of many contemporaries, including priests, he remained a nationalist and supporter of Metropolitan Augustine (Petersons). However, in the memoirs of their daughters which were involved in writing this material, one can look at this shepherd from a different angle. A supporter of the preservation of the Russian language at home, a bright preacher and politician, this is how his daughters remember him. With the help of these materials, we can learn more about the era and the fates of its main characters.

Keywords: Janis Namnieks, Latvian Orthodox Church, Latvia, Soviet Union, church revival, repressions, World War II, clergy, memories

Acknowledgements: the article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for young candidates of sciences No МК-4539.2021.2 “Attempts to separate the Orthodox parishes of Belarus, Latvia and Estonia from the Russian Orthodox Church in 1941-1991”.

For citation: Petrov I. V. (2022) Archpriest Janis Namnieks in the history of Latvian Orthodoxy, 1920-1940: new sources. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 166-177. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-166-177>

Священник Янис (Иоанн) Намниекс¹ для истории Латвийской Православной Церкви – личность во всех смыслах примечательная. Именно он являлся наиболее верным помощником митрополита Рижского и Латвийского Августина (Петерсонса) и сторонником уменьшения русского влияния в ЛПЦ. За пастырем закрепилось стойкое амплу латышского националиста и одного из главных действующих лиц Православной Церкви в Латвии в 1930-е гг. Сторонник реформ в Латвийской Православной Церкви, лояльный к режиму Карлиса Ульманиса, в 1940–1941 гг. он, как и многие другие православные пастыри на территории трех балтийских республик, попал под жернова советских репрессий. Изучить его биографию стало возможным только в последние три десятилетия.

Важным источником, с помощью которого можно раскрыть личность священника Яниса Намниекс, являются свидетельства двух его дочерей Александры (1911 г. р.) и Валентины (1914 г. р.), записанные на видео в 1990 г. Дмитрием Ивановичем Трубецким, его сестрой Анастасией, родственницей семьи священника Антониной. Эти материалы любезно предоставил автору этих строк Д. И. Трубецкой. Необходимо отметить, что период, в который происходила запись свидетельств, был временем невероятно острых, решающих событий как для Латвии, так и для всего Советского союза.

Неслучайно герои аудиозаписи обсуждают проходящую в то время выставку «Латвия в период сталинских репрессий» или же спорят о том, долго ли осталось советской власти в республике и когда Латвия вновь обретет свою независимость (любопытно, что Д. И. Трубецкой гораздо более оптимистичен в этом вопросе, чем дочери репрессированного отца Иоанна). Другой важный момент – видеозапись проходила в среде семей репрессированных, в кругу «своих», однако даже с учетом этого сестры довольно сдержаны в своем рассказе о прошлом, гораздо охотнее говорят о довоенном периоде, чем о «первом советском годе» и уж тем более репрессиях против отца.

Интересный факт, подтвержденный Александрой и Валентиной, что они после окончания Второй мировой войны не посещали православную церковь. У Дмитрия Ивановича они особенно интересуются нынешним положением вещей в православных приходах. С большим интересом они узнают, что на территории Латвии появился православный священник-латыш, который выступил против «празднования» 7 ноября в храмах, стал переводить богослужебные тексты на латышский язык. Очень большой интерес у них вызывает судьба Христорожественского кафедрального собора, который в 1963 г. был передан обществу «Знание». Разговор о сохранности колоколов и крестов на соборе также вызывает внимание сестер, они сравнивают положение собора с периодом их юности, когда в нем служил Янис Намниекс.

Наконец, еще одна примечательная часть беседы, отражающая время – дискуссия о судьбах репрессированных, письмах в советские специальные

¹ В данной статье мы будем называть священника согласно латышской традиции, транслитерированной на русский язык: Янис Намниекс, хотя верен вариант и Иоанн Намниек, а в следственном деле он назван Яном Яновичем Намниekom.

органы и архивы с просьбой предоставить сведения о родственниках, депортированных и репрессированных в годы Второй мировой войны. Между потомками Намниекса и семьей Трубецких проходит живая дискуссия о том, куда обращаться, в какой форме. Несмотря на то, что происходили подобного рода обращения во время пресловутой «Перестройки», сохранялись тревога и нерешительность, порожденные советским временем.

Янис Намниекс родился 25 сентября (по другим данным – 20 декабря) 1881 г. в Мадзульской волости Мадонского уезда Лифляндской губернии в усадьбе Тиркенос в семье латышского крестьянина (Latvijas nacionālais arhīvs (LNA). F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 3–5). О религиозной принадлежности его родителей, а также о причинах, которые побудили Намниекса стать православным священником, достоверно неизвестно. Дочери пастыря отмечали, что во многом это решение было обусловлено и весьма прозаичными причинами. Брат Яниса Петерис был старше и поэтому имел право наследования собственности. Янис же поэтому избрал духовную стезю.

В 1899 г. наш герой окончил 4-классное Рижское духовное училище по второму разряду и получил право без экзаменов поступать в Рижскую духовную семинарию. В период «первого советского года» следователи НКВД выяснили, что служителем культа он стал в 1905 г. (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 5). Именно тогда он окончил 6 классов Рижской духовной семинарии. Первым назначением будущего видного деятеля Латвийского Православия, тогда еще псаломщика, стала православная Сисегальская церковь (Адеракши) (Православные священно-церковнослужители..., 2019. С. 374). Янис Намниекс всю свою жизнь совмещал служение в храме с преподаванием Закона Божия. Латвийский церковный историк протоиерей Андрей Голиков к местам дореволюционного преподавания Намниекса отнес Адеракши, Екабпилс (Якобштадт), а также знаменитое Илукстское духовное училище (Голиков, Фомин, 1999. С. 96). Если сравнить данные исследователя с тем, что отметили дочери священника, то они называют следующие места служения: Адеракши в Видземе, Илуксте, Цесвайне, неподалеку от Мадоны и Карздаба в Цесвайнском крае. Исходя из недавно изданного справочника, посвященного лат-

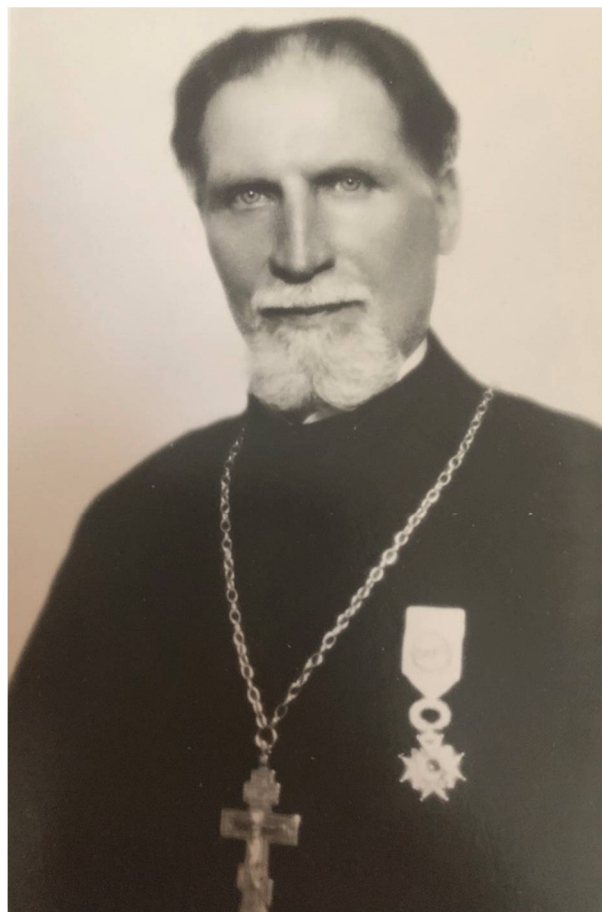

Рис. 1. Протоиерей Янис Намниекс (1881–1942)
Fig. 1. Archpriest Janis Namnieks (1881–1942)

вийским православным священником, в апреле 1906 г. Янис Намниекс был включен в список кандидатов священства по Рижской епархии и в начале июня того же года перемещен к Свято-Духовской церкви в Екабпилсе (Якобштадте) (Православные священно-церковнослужители..., 2019. С. 374). Место диакона в Илуксте он получил летом 1907 г. (именно здесь произошло и рукоположение в диаконы). В августе 1912 г. он был рукоположен во священники и был отправлен для служения на приход в Ляудону (прослужит здесь до 1924 г.).

Супругой священника была уроженка того же Мадонского уезда Валентина Намниеце, 1888 г. р. У супругов в браке родилось четверо детей: Николай (1908), Лидия (1910), Александра (1911), Валентина (1914) (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. I. 3–5). Интересно отметить, что согласно свидетельствам дочерей отца Яниса Намниекс их мать довольно прохладно относилась к Православию и к русскому языку как средству коммуникации. В отличие от самого священника: уже в 1930-е гг., в период независимой

Латвии и апофеоза так называемого «национального курса» митрополита Августина (Петерсонса), он настаивал на том, чтобы дети в домашних условиях говорили только по-русски. Валентина Намниеце была этим недовольна. Дочери священника пели в церковных хорах, а вот сын Николай был прохладен к религии. Более того, он в период первой независимости Латвии вышел из числа православных. Николай Намниекс вошел в число почитателей известного латышского искусствоведа, фольклориста и археолога Эрнста Брастиньша (1892–1942). Выпускник Высшей Школы искусств имени барона Штиглица в столице Российской империи, участник Освободительной войны, Брастиньш в 1920-е гг. работал над созданием в Латвии Военного музея. Сфера его научных интересов – курганы, могильники и древние латышские городища. Собирал Брастиньш также латышские народные песни. В 1926 г. он создал религиозное движение «Диевтуриба», члены которого стремились к возрождению дохристианских верований на территории Латвии. В конце 1920-х гг. движение было зарегистрировано как религиозная организация и имело большое число последователей среди латышской молодежи и интеллигенции, а также представителей правых партий. Николай Намниекс, согласно свидетельству своих сестер, существенным образом разошелся с отцом в вопросе принадлежности в «Диевтурибе» и даже не упоминал о своем происхождении. Еще один важный штрих: дочери отца Яниса также были недовольны своими, как им казалось, «русскими» христианскими именами и желали неоднократно поменять их на латышские.

Вернемся к описанию мест служения священника. В 1912 г. иерей Намниекс был назначен к Иоанновской церкви в Ляудоне в родном для Яниса Мадонском уезде. Прихожане Намниекса по этническому происхождению в большинстве своем были латышами. В 1909 г. из 1463 жителей Ляудоны мужского пола только лишь 18 человек было русскими, а из 1431 женщины русских было 25 человек. Приходская школа была открыта здесь с 1848 г., а в 1873 г. под нее было выделено отдельное здание. Прослужил на этом приходе отец Иоанн в период Освободительной войны в Латвии, вплоть до 1924 г (Православные храмы и приходы..., 2017. С. 211).

После обретения Латвией государственной независимости отец Янис Намниекс оказывается в первых рядах сторонников ограничения в Православной Церкви этого балтийского государства «русского влияния». Вместе с церковным деятелем, учителем Янисом Давис (своим родственником) на Соборе Латвийской Православной Церкви Намниекс выдвинул идею создания независимой Православной Церкви в независимом государстве, которым и стала Латвия (Озолиньш, 1997. С. 13–15). Несложно догадаться, что большинство обвинений в адрес сторонников иного мнения заключалось в неприятии последними идеи автономии от церковных властей в Москве, а также подозрение в том, что усиление роли бывших «русификаторов» в новых политических условиях сыграет с православными латышами злую шутку, ибо последние растворятся в общей среде. В ранее изданной статье, написанной в соавторстве с петербургским ученым доктором исторических наук Александром Котовым, говорилось о сугубо националистических устремлениях отца Яниса (Котов, Петров, 2019. С. 345). Сразу хочется отметить, что при более глубоком знакомстве с архивными материалами и свидетельствами дочерей священника, эта точка зрения должна быть пересмотрена. Хочется отметить, что отец Янис был сторонником не оголтелого национализма, а перешел к «национальной линии» в сложных условиях обретения Латвией независимости. С приездом в республику архиепископа Иоанна (Поммерса) он перешел к спокойному служению в сложившихся общественно-политических обстоятельствах.

Очень важный момент его биографии, часто упускаемый из виду, в том числе его дочерьми во время интервью, – отец Янис вошел в делегацию Рижской епархии, которая участвовала во Всероссийском Поместном соборе 1917–1918 гг. Представляется, что приняв участие в работе этого судьбоносного для истории Православия как в России, так и во всем мире Собора, латвийский пастырь решил перенести многие его формы и для жизни православных в Латвии. По приезде в Ригу в латышском Вознесенском приходе в сентябре 1919 г. он был избран пастырем этого храма, где 5 октября того же года стал вторым священником (Православные храмы и приходы..., 2017. С. 211).

Период 1920-х гг. дочери священника характеризуют как спокойное и созидательное время. Известно, что в 1920–1922 гг. священник обучался на медицинском факультете Латвийского университета, но по причине недостатка денежных средств был вынужден оставить учебу. С 1924 г. он начинает свое служение в Карздабе на латышском приходе. Дочери пастыря вспоминали, что окружение семьи состояло исключительно из латышской православной среды, из которой они помнят, например, семью Янсонс, семью Блодонс и некоторых других (в послевоенные годы связи с ними не поддерживались). В 1920–1930-е гг. большое удовольствие отцу Янису доставляла работа в качестве законоучителя. Большое внимание он уделял и церковному пению. Неспроста его дочери стали профессиональными преподавателями музыки, Александра окончила консерваторию. Сам священник отменно пел, имея красивый баритон. Кроме того, священник обслуживал Марциенский и Ливанский приходы (1919–1938 гг.), Бучауский и Галгауский приходы (1924–1938 гг.), с 1936 г. – Лидерский приход (Православные священно-церковнослужители..., 2019. С. 375). Наибольший успех он достиг в своем служении в Ливанах. В справочнике, посвященном служению православного духовенства в храмах Латвии, о Ливанах сказано следующее: «И только в апреле месяце 1919 года православные Ливани и его окрестностей вновь соорганизовались в приходскую общину с количеством в 120 человек; тогда же был приглашен для обслуживания прихода – настоятель Карздабской церкви прот. о. Иоанн Намниек. Он же совместно с приходским советом начал собирать пожертвования на построение церкви в Ливанах; к 1937 году их накопилось свыше 4000 лат. В сентябре 1937 года прот. о. И. Намниekom была совершена закладка храма в Ливанах; храм строится из бетона по проекту архит. В. М. Шервинского, размером 7,60 x 7,60 x 8,60 м и будет готов в текущем году» (Православные священно-церковнослужители..., 2019. С. 375).

«Карьерный» взлет отца Яниса был связан с периодом перехода Латвийской Православной Церкви в лоно Вселенского Патриархата в середине 1930-х гг. Сам священник и его семья были благодарны новому главе ЛПЦ – митрополиту Рижскому и Латвийскому Августину (Петерсонсу). Дочери

священника вспоминали о большой популярности в среде православных архиепископа Иоанна (Поммерса), однако они сами гораздо в большей степени помнили митрополита Августина и архиепископа Иакова (Карпса), совместные фото отца, которые имелись в семейном архиве. На фотографиях отец Янис запечатлен вместе с двумя митрополитами: Августином (Петрсонсом) и главой Эстонской Апостольской Православной Церкви митрополитом Таллинским и Эстонским Александром (Паулусом).

Именно в 1930-е гг. произошел судьбоносный перевод священника в столицу Латвии и его назначение в Кафедральный собор Риги. Дочери священника относят эти события к рубежу 1937–1938 гг. При содействии митрополита Августина семье в Риге выделяют квартиру на улице Меркеля (материалы следственного дела подтверждают это, адрес: улица Меркеля дом № 3, квартира № 7) (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. I. 3).

Если быть точным, то перевод в Ригу состоялся 1 января 1938 г., когда пастыря освободили от настоятельства храма в Карздабе и обслуживания Лидерского прихода. Он был отправлен на служение в Кафедральный собор на должность второго священника (видимо, у дочерей священника это время запомнилось как переезд зимой 1937–1938 гг.). Со всем скоро Янис Намниекс был возведен в сан протоиерея и стал ключарем собора. Одновременно он выполнял должность администратора собора, работал в издательстве церковных и духовных книг, руководил кружком молодежи при соборе, преподавал Закон Божий, а с февраля 1938 г. обслуживал «религиозные нужды православных воинов Рижского гарнизона». В 1938 г. произошло награждение его орденом Трех Звезд 4-й степени по случаю 20-летия свободы и независимости Латвийской республики (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 13). Любопытный момент: орден не был конфискован советскими карательными органами при аресте и сохранялся сначала супругой священника, а затем и его дочерьми. Они вспомнили об этом факте, увидев фотографию священника (она размещена в статье), однако разошлись во мнении, что это за награда и не смогли сразу установить ее дальнейшую судьбу (судя по замешательству, можно предположить, что виной этому была опасность упоминания о хранении по-

Рис. 2. Протоиерей Иоанн Намниекс (слева) и митрополит Рижский Латвийский Августин (Петерсонс)
Fig. 2. Archpriest Janis Namnieks (left) and Metropolitan of Riga and Latvia Augustin (Petersons)

добного рода наград даже на излете советского режима – в 1990 г.!).

В период служения в Риге об отце Янисе Намниексе сложилось два мнения, диаметрально противоположных по своей сути. Представители семьи считают по праву это время самым счастливым в своей жизни. Однако другие священники, в том числе латыши, крайне критично отзывались об отце Янисе.

Дочери отца Яниса вспоминают, что практически ежедневно их отец в 1930-е гг. корпел над книгами, занимался переводом духовной литературы на латышский язык, нес статьи в типографию, всячески способствовал данной комплексной деятельностью развитию латышских приходов в регионе. Митрополит Августин (Петерсонс), исходя из их свидетельств, всячески поощрял эту работу и участвовал в ней. Возникали между главой Латвийской Православной Церкви и священником Намниексом конфликты, прежде всего, на бытовом уровне. Например, митрополит Рижский и Латвийский был недо-

волен тем, что один из священников сообщил, что в доме отца Яниса в период Великого Поста был устроен детский праздник (свидетельство дочерей Яниса Намниекса).

Наиболее отрицательное мнение об отце Янисе составил запрещенный митрополитом Августином в служении протоиерей Андрей Янсонс в своем рапорте митрополиту Виленскому и Литовскому Елевферию (Богоявленскому), составленном 23 октября 1940 г. В вышеуказанном документе время возглавления Латвийской Православной Церковью владыкой Августином описывается исключительно с отрицательной точки зрения за предпринятые реформы и отстранение от служения самого отца Андрея и некоторых других пастырей, в частности, протоиерея Иоанна Эныня. Об отце Янисе говорилось следующее: «В своем письме к двоюродному брату, бывшему члену Синода Яну Давису, протоиерей Намниек не постеснялся изречь такие кощунства и богохульства против христианской веры, их же не счесть есть глаголити. Черновик оригинала письма в со-

хранности цел и по сие время, несмотря на угрозы Владыки судом и запрещения пастырям, нашедшим его и в копиях разославшим о. настоятелям. Некоторые выдержки из сего богохульного письма: «Я убежден в безнравственности Авраама Исаака, Иакова, Моисея, Давида, Соломона и проч. и давно бросил поминать их в молитвах и на службах... мое убеждение ставит меня в оч. тяжелое положение в том учреждении – жидовском христианстве, которое считаю вредным, смертоносным... оставаясь приходским священником, хотя не хотя в меньшей или большей степени я должен проповедовать нынешние безобразия... в основу новой веры я ставлю единого Бога Отца Небесного. О ветхом и новом завете не может быть и речи. Жидовские басни о сотворении мира, Адама, Евы, окончательно необходимо отбросить. Выбросить необходимо бы было и часть Христу приписываемых писаний нового завета, особенно послания Павла ... Если я не могу существовать без нынешних мною получаемых доходов (30 искаротовских серебрянников?!), то хотя не хотя я должен гнуть всю, смиренно кланяться, каяться во всех ересьях и грехах и должен дать обет итти по стопам “Святых отцов”» (LNA. F. 7469. arg. 2.l.185. L. 82). Также в тексте отец Андрей называет своего собрата во Христе «наперсником» митрополита Августина и еретиком. Кроме того, отец Андрей Янсонс отметил, что в среде православного духовенства Латвии многие пастыри грозили отцу Янису Намниексу анафемой и призывали митрополита Августина прекратить свои «еретические действия» (LNA. F. 7469. arg. 2.l.185. L. 82–83). Важный штрих: отец Андрей был столь категоричен в связи с тем, что был отстранен от управления приходом, который ранее занимал. Согласно версии, изложенной отцом Андреем, из-за неканоничных действий митрополита Августина и его ближайшего окружения, как утверждал пастырь, около полутора лет в Алуксне дети оставались без крещения, а умершие предавались земле без отпевания (LNA. F. 7469. arg. 2.l.185. L. 83).

Надо учитывать условия, в которых отец Андрей писал митрополиту Елевферия (Богоявленскому) о нестроениях 1930-х гг., связанных с политикой митрополита Августина. Обиженный на главу ЛПЦ протоиерей не принял его нового курса, был не согласен с большинством реформ и не принимал возвышение его ближайшего окружения. В «первый

советский год» ситуация существенным образом отличалась от середины-конца 1930-х гг. После вхождения Латвии в состав СССР в республике начался процесс притеснения лиц, в том числе представителей Православной Церкви, которые в наибольшей степени были связаны с элитой межвоенной Латвии. В число этих людей, безусловно, входил и протоиерей Янис Намниекс. Стойкий же поборник традиционного Православия, верный столп «московской партии» в среде православных Балтии, митрополит Елевферий мог разглядеть в рапорте «друзей» и «врагов» Московской Патриархии.

Справедливости ради надо отметить, что ранее протоиерей Андрей Янсонс апеллировал к авторитету Константинополя. Еще в марте 1939 г. он написал Вселенскому патриарху Вениамину (Псомасу-Кириаку) о настроениях в среде православных в Латвии. Однако данный документ был гораздо более мягким и не критиковал напрямую конкретных лиц в Латвийской Православной Церкви (Петров, 2016. С. 323).

Как всегда бывает, истина в этих оценках где-то посередине. Возьмем свидетельства очевидцев событий тех лет, представителей известных семейств православного духовенства Латвии, служивших в 1930-е гг. Рассмотрим свидетельства недавно почившей Надежды Гордеевны Погодиной, дочери православного священника Гордия Ольшевского, служившего в деревне Зобки (ныне Пыталовский район Псковской области Российской Федерации). В телефонном разговоре с автором этих строк Надежда Гордеевна заявила о хорошем отношении к митрополиту Августину со стороны местного населения. Также она отметила, что во время посещения им ее семьи, владыка неизменно общался с ними на русском языке, без всяких проявлений национализма, снобизма, мог взять местного ребенка на руки, оставил о себе самые приятные впечатления (Интервью с Н. Г. Погодиной. 27 марта 2017 г.).

В понимании же священников Латвии союз между главой Латвийской Православной Церкви и протоиереем Янисом Намниексом был очень прочным. Во многом именно этот факт и стал ключевым в трагической судьбе семьи.

Дочери священники описывают «первый советский год» исключительно в темных тонах, четко разделяя его на «до» и «после», имея в виду советиза-

цию и начало репрессий. О политической ситуации в стране они знали не так много, разговоры с родителями о ней не вели, а полностью отдали себя работе, в том числе в консерватории в Риге.

Проявление интереса советских специальных органов к протоиерею Янису Намниекс в кругу его домочадцев отмечалось несколькими зловещими предзнаменованиями. Так, незадолго до первого ареста во время литургии у священника выпал крестик. Жена протоиерея посчитала это очень плохим знаком (крестик этот впоследствии пострадал во время пожара, однако младшая дочь его очень внимательно хранила, вплоть до начала 1990-х гг.).

Про сами аресты отца его дочери имели смутные представления, а брат на тот момент не был в зоне досягаемости советских специальных органов. О том, как вел себя Намниекс-старший во время следствия и о показаниях священника следует рассказать отдельно.

В постановлении на арест отца Иоанна имелась следующая формулировка: «Намниек, будучи привлеченным органами Госбезопасности к секретной работе 25 сентября 1940 года умышленно никаких материалов не давал. О факте сотрудничества с нашими органами рассказал ставленнику фашистского правительства Ульманиса, бывш. главе православной церкви Петерсону Августину. Намниек Петерсон говорит: «Его долго держали, много говорили, предложили все им докладывать о жизни отдельных людей. О синоде и церковной жизни в Риге. Он на это не пошел и оказался для меня верным и дорогим человеком» (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 2). Согласно анкете арестованного он был арестован 16 июня 1941 г., постановление же на арест датировано 10 июня 1941 г. Исходя из материалов следственного дела, представители советской карательной системы знали, что после отъезда из Риги отец Янис проживал в Медзульской волости в усадьбе «Линдужи» (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 18). Российский историк Игорь Курляндский отметил, что священник жил в этот период в доме родителей (Курляндский, 2019. С. 137).

Дочери пастыря объяснили некоторые обстоятельства ареста своего родителя. Дело в том, что первые аресты, по мнению Валентины и Александры, произошли в сентябре 1940 г. Янис Намниекс тогда пообещал советским специальным органам,

что перестанет служить как священник и переселится на время в деревню. Скорее всего, во время этой, как отмечали дочери священника, «шестичасовой беседы», их отец согласился на некую форму сотрудничества, связанную в первую очередь с передачей информации о митрополите Августине (Петерсонс). Дочери однако отмечают, что в семье знали об этом и подчеркивали факт наличия договоренности между главой ЛПЦ и протоиереем Намниекс об этом сотрудничестве. В 1940 г. священник переселился в деревню.

14 июня 1941 г. за священником пришли в первый раз, однако его не застали дома, он поехал в Ригу к сыну. В гостях у семьи был брат жены священника. В ответ советские каратели обещали, что арестуют этого человека, если отец Янис Намниекс добровольно не явится в органы НКВД, что и последовало 16 июня 1941 г.

Показания священник давал на русском языке. Он отметил, что не имеет «движимого и недвижимого имущества», с 1905 г. является служителем религиозного культа, одновременно преподавая в «низших и средних школах Латвии» (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L-5-app.) По заверению священника он не состоял в политических организациях межвоенной Латвии и не был связан с политической полицией страны.

Однако основным содержанием допросов стала информация о взаимоотношениях между протоиереем Янисом Намниекс и митрополитом Августином. Сразу же священник заявил следующее: «Мои отношения с митрополитом Петерсоном были нормальными и я ему ни в чем не изменял как духовный сын духовному отцу» (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 8). Услышав это, советский следователь интересовался более всего моментом разглашения священником беседы с представителями репрессивной машины новой власти осенью 1940 г., на что пастырь отвечал: «После того когда со мной говорили в отделении НКВД в Риге я в тот же момент явился к отцу Петерсону и сообщил ему, что у меня спрашивали о нем и о других служителях священного культа. Петерсон меня выслушал и подробности моей беседы в НКВД не расспрашивал. Отцу Петерсону об этом я рассказывал на очередном богослужении в церкви, на который я должен явиться как священник» (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 8).

Вслед за этим последовал вопрос о причине, побудившей священника не выполнять данные перед НКВД «обязательства»: «Выполняя духовную присягу, которую я дал отцу Петерсону ничего от него не скрывать, это обстоятельство меня заставило изменить органам НКВД и нарушить свое обязательство, которое я дал органам советской власти, в этом я признаю себя виновным. О моей принадлежности к органам НКВД меня расспрашивал сам Петерсон» (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 8-arr.).

Уже на первом допросе можно увидеть важные черты характера священника: его несгибаемость, четкое разграничение в обещаниях верности между органами НКВД и митрополитом Августиним (Петерсонс). Протоиерей признал свою «вину», попутно оставшись верным присяге, данной митрополиту Августину.

Именно разглашение сведений легло в основу обвинений против священника. Ему была предъявлена статья 121 УК РСФСР. Он «разглашал частным лицам сведения неподлежащие оглашению» (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 10). На вопрос о признании вины в этом протоиерей Намниек отвечал так: «В предъявленном мне обвинении виновным себя признаю полностью. Я действительно о своей принадлежности к НКВД говорил митрополиту Петерсону и сообщил ему, что им интересуются НКВД и всей деятельностью нашей церкви. Об этом я рассказал на исповеди у своего духовного отца и митрополита – Петерсона» (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 10).

Протоиерей Янис Намниекс был депортирован в Свердловскую область и в начальный период войны между Третьим рейхом и Советским союзом уже был в Севурлаге. В начале 1942 г. он имел, согласно лагерной справке, глубокое авитаминозное расстройство Пеллагра и сердечную слабость, в результате чего получил инвалидность II группы (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 12).

Обвинительное заключение по делу священника за номером 06637 от 9 апреля 1942 г. звучало следующим образом: «16 июня 1941 г. органами НКВД Латвийской ССР за разглашение тайны был арестован НАМНЕК Ян Янович. Расследованием по настоящему делу установлено, что НАМНЕК Я. Я. с 1905 г. по день ареста являлся служителем религиозного культа, учителем и священником православного кафедрального собора г. Рига. В 1940 г. в де-

кабре месяце НАМНЕК был привлечен к секретному сотрудничеству с органами НКВД, на что дал подписание о неразглашении. В этот же день НАМНЕК о своей связи, сотрудничестве с органами НКВД рассказал бывшему главе православной церкви Петерсону Августину. Виновным себя признал полностью» (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 13). Решение было следующим: «Руководствуясь ст. 200 УПК РСФСР след. Деле № 06637 по обвинению НАМНИЕК Я. Я. направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР и полагал бы обвиняемому НАМНЕК Ян Яновичу применить меру наказания 3 года ссылки» (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 14). Ключевыми фигурами среди карателей были начальник Валмиерского УО НКВД ЛССР Розенштейн, помощник начальника следственной части НКВД ЛССР лейтенант государственной безопасности Сухов (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 14).

В деле сохранился акт от 8 мая 1942 г. с освидетельствованием трупа пастыря. Из него следует, что протоиерей Намниекс поступил в стационар 7 апреля 1942 г. (прибыл в Севурлаг он 17 июля 1941 г.). В качестве особых примет составители акта обозначили высокий рост, седые волосы и серые глаза. Причину смерти обозначили как последствие туберкулеза легких (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 19-arr.). 20 августа 1942 г. уголовное дело против священника было прекращено в связи с его кончиной (LNA. F. 1986. apr. 1. I.P-10184-I. L. 20).

Семья священника долгое время не располагала сведениями о его судьбе. Дочери Яниса Намниекса упоминают, что от одного православного священника из Цесиса, имя которого не знают, получили информацию, что бывшего ключаря Рижского кафедрального собора видели в Севурлаге.

Уже в послевоенное время семья стремилась получить информацию о своем отце. 10 марта 1947 г. младшая дочь священника Валентина Намниекса написала в органы безопасности следующее: «Покорнейшу прошу сообщить мне где находится высланный из Латвии Янис Янович Намнек. Он выслан 1941 году 16 июня, проживал в Мадонском уезде, Медзульской волости, усадьбе Лынужи. Родился 1881 году 25 сентября в Мадонском уезде, Медзульской волости, усадьбе Киркены». Ответа не последовало. Судя из видеозаписи, даже в 1990 г. потомки священника имели довольно смутное

представление о его судьбе после ареста и желали получить хоть какие-то сведения (Д. И. Трубецкой советовал им обратиться в органы прокуратуры и КГБ по Свердловской области).

18 декабря 1989 г. было принято постановление о прекращении уголовного дела на основании пункта I статьи 5 УПК Латвийской ССР «в связи с отсутствием события преступления» (подписал помощник прокурора Латвийской ССР, советник юстиции В. Э. Батаргс) (LNA. F. 1986. ap. 1. I.P-10184-I. L. 21).

Семья пастыря в период Второй мировой войны разделилась. Его сын Николай (о его деятельности в период Второй мировой войны и нацистской оккупации Латвии сестры не рассказывают) эвакуировался на Запад и жил в Федеративной республике Германия. Из рассказа дочерей священника Яниса Намниекса он остался приверженцем «Диевтурибы», входил в эмигрантскую общину представителей этой религиозной организации и жену себе нашел также из этой общины. Семья узнала о месте жительства брата только в 1956 г. (жена отца Яниса скончалась в 1954 г.) и между ними началась переписка. В 1980 г. к нему в Ганновер приехали латвийские родственники. Прожил Николай Намниекс 82 года и к моменту записи интервью уже скончался. Еще одна дочь священника Намниекса оказалась в эмиграции в Великобритании, и к ней «латвийские гости» стали приезжать уже с 1978 г.

К сожалению, установить дальнейшую историю семьи протоиерея Яниса Намниекса на данный момент не удалось. Проанализированное в данной статье интервью уникально, так как оно является важным «слепок» эпохи рубежа 1980–1990-х гг. и

живым голосом родственников репрессированных православных священников Балтии. Дочери протоиерея Намниекса прожили тяжелую жизнь (они сами признаются сколько счастливых лет отняла у них советская власть), однако смогли рассказать о счастливых моментах, связанных с их детством и юностью. С помощью их воспоминаний удалось под другим ракурсом посмотреть и на отца Яниса Намниекса, увидеть в нем не столько радикала, сколько человека отстаивающего свою точку зрения и стоящего на позициях защиты Православия в Латвии. Хочется надеяться, что открытие архивов в России поможет раскрыть и последний год его жизни и вернуть его доброе имя истории в полной мере.

Изучение биографий православного духовенства в Латвии, на наш взгляд, довольно перспективная тема для российской и зарубежной историографии. В основном ранее специалисты изучали процессы в СССР с религией в целом, в частности такие как Х. Файрсайд (Fireside, 1971); В. Флетчер (Fletcher, 1971); В. Кале (Kahle, 1978/1979). Некоторые авторы, преимущественно латвийские, в том числе современники событий, занимались вопросами Православия в Латвии в 1920–1930-е гг.: Антоний Поммерс (Pommers, 1940; Pommers, 1931); Э. Трейлиб (Treulieb, 1965); Янис Калныньш (Kalniņš, 2007); Хенрих Стродс (Strods, 2005); Себастиан Римштэд (Rimestad, 2012a; Rimestad, 2012b); Константин Обозный (Обозный, 2008). Наконец, некоторые авторы занялись судьбой конкретных пастырей в период их эмиграции (Гаврилин, 2013; Кинстлер, 2015). Остается надеяться, что подобные исследования коснутся и тех священников, кто остался в Латвии или был репрессирован.

Список источников

Гаврилин А. В. Латвийские православные священнослужители на Американском континенте. М. : Общество любителей церковной истории, 2013. 408 с.

Голиков А., свящ., Фомин С. Кровью убеленные : Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). Мартиролог Православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг.: Жизнеописания и материалы к ним. М. : Паломник, 1999. 221 с.

Кинстлер А. Прибалтийская православная тема в Архиве Германской Епархии РПЦЗ // Православие в Балтии. 2015. № 3 (12). С. 11–48.

References

Gavrilin A. V. (2013) Latvian priests in America. Moscow: Obshchestvo lyubitelei cerkovnoi istorii. 408 p. (In Russ.).

Golikov A., pr., Fomin S. (1999) Whitened with blood: martyrs and confessors of the North-West of Russia and the Baltic states (1940-1955). Martyrology of the Orthodox priests and clergymen of Latvia repressed in 1940–1952: Biographies and materials for them. Moscow: Palomnik. 221 p. (In Russ.).

Kinstler A. (2015) Baltic Orthodox theme in the Archive of German and Berlin Eparchy of Russian Orthodox Church Outside of Russia. *Pravoslavie v Baltii = Orthodoxy in Baltic Lands*. No. 3 (12). P. 11–48. (In Russ.).

Котов А. Э., Петров И. В. У истоков Латвийской Православной Церкви: от «русской веры» к автокефалистским тенденциям // Научный диалог. 2019. № 11. С. 338–353.

Курляндский И. А. Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). Исторические очерки. СПб.: Петроглиф, 2019. 376 с.

Обозный К. П. История Псковской Православной Миссии. 1941–1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2008. 608 с.

Озолинш К. Положение Латвийской Православной Церкви в 20-е годы XX века // Православие в Латвии: Исторические очерки. Сб. ст. Вып. 2. / под ред. А. В. Гаврилина. Рига: Благовест, 1997. С. 13–29.

Петров И. В. Православная Балтия 1939–1953 гг.: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб.: Бумажные книги, 2016. 382 с.

Православные священно-церковнослужители в Латвии XVII–XXI в. Рига: Филокалия, 2019. 623 с.

Православные храмы и приходы на территории Латвии в XIII–XXI веках / под ред. А. Гусаченко. Рига: б.и., 2017. 480 с.

Fireside H. Icon and swastika: The Russian Orthodox Church under Nazi and Soviet Control (Russian Research Center Studies, 62). Cambridge: Harvard University Press, 1971. 242 p. (In Eng.)

Fletcher W. The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970. London, New York, Toronto: Oxford University press, 1971. 314 p. (In Eng.)

Rimestad S. The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917–1940). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012a. 333 p. (In Eng.)

Kahle W. Die Orthodoxie im baltischen Raum // Kirche im Osten. 21/22, Münster/Güttingen 1978/1979. P. 78–107. (In Germ.)

Treulieb E. Metropolit Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission» in Pleskau // Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde, Band 8, Göttingen 1965. S. 55–66. (In Germ.)

Kalniņš J. virspriesteris. Latvijas Pareizticīgā Baznīca. Vēstures komentārs. Rīga: SIA San Estera, 2007. 175. lpp. (in Latvian)

Pommers A. Pareizticība Latvijā: vēstures apcerējumi. Rīga: Autora izd., 1931. 88. lpp. (in Latvian)

Pommers A. Baznīcas vēsture. Vidusskolu kurss pareizticīgiem. Rīga: Latvijas Pareizticīgās baznīcas sinodes izdevums, 1940. 89. lpp. (in Latvian)

Rimestad S. Latvieši un pareizticība. Grām.: Reliģiozitāte Latvijā: vēsture un mūsdienu situācija. Krūmiņa-Koņkova S. (red.), Rīga: LU aģentūra «LU Filozofijas un socioloģijas institūts», 2012b. 161–176. lpp. (in Latvian)

Strods H. Metropolit Augustins Petersons. Dzīve un darbs. 1873–1955. Rīga: Latvijas universitātes, žurnāls “Latvijas vēsture” fonds, 2005. 292 p. (in Latvian)

Kotov A. E., Petrov I. V. (2019) At the Origins of the Latvian Orthodox Church: from the “Russian Faith” to Autocephalous Tendencies. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. No. 11. P. 338–353. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-338-353.

Kurlyandskii I. A. (2019) Government and religion organizations in USSR (1939–1953 gg.). Historical essays. St. Petersburg: Petroglif. 376 p. (In Russ.).

Oboznyi K. P. (2008) History of Pskov Orthodox Mission. 1941–1944 gg. Moscow: Krutitskogo podvor'ya, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii. 608 p. (In Russ.).

Ozolin'sh K. (1997) Latvian Orthodox Church in 1920th. *Pravoslavie v Latvii : Istoricheskie ocherki. Sb. st. = Orthodoxy in Latvia: Historical essays. Collection of articles*. Riga: Blagovest. Iss. 2. P. 13–29. (In Russ.).

Petrov I. V. (2016) Orthodoxy in the Baltic Lands in 1939–1953: period of wars, repressions and conflicts. St. Petersburg: Bumazhnye knigi. 382 p. (In Russ.).

(2019) Orthodox churches and parishes in Latvia XIII–XXI. Riga: Filokaliya. 623 p. (In Russ.).

Gusachenko A. (2017) Orthodox priests in Latvia XVII–XXI. Riga. 480 p. (In Russ.).

Fireside H. (1971) Icon and swastika: The Russian Orthodox Church under Nazi and Soviet Control (Russian Research Center Studies, 62). Cambridge: Harvard University Press. 242 p. (In Eng.)

Fletcher W. (1971) The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970. London, New York, Toronto: Oxford University press. 314 p. (In Eng.)

Rimestad S. (2012a) The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917–1940). Frankfurt am Main: Peter Lang. 333 p. (In Eng.)

Kahle W. Die Orthodoxie im baltischen Raum // Kirche im Osten. 21/22, Münster/Güttingen 1978/1979. P. 78–107. (In Germ.)

Treulieb E. (1965) Metropolit Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission» in Pleskau // Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde, Band 8, Göttingen. S. 55–66. (In Germ.)

Kalniņš J. virspriesteris. (2007). Latvijas Pareizticīgā Baznīca. Vēstures komentārs. Rīga: SIA San Estera. 175. lpp. (In Latv.)

Pommers A. (1931) Pareizticība Latvijā: vēstures apcerējumi. Rīga: Autora izd.. 88. lpp. (In Latv.).

Pommers A. (1940) Baznīcas vēsture. Vidusskolu kurss pareizticīgiem. Rīga: Latvijas Pareizticīgās baznīcas sinodes izdevums. 89. lpp. (In Latv.).

Rimestad S. (2012b) Latvieši un pareizticība. Grām.: Reliģiozitāte Latvijā: vēsture un mūsdienu situācija. Krūmiņa-Koņkova S. (red.), Rīga: LU aģentūra «LV Filozofijas un socioloģijas institūts». 161–176. lpp. (In Latv.).

Strods H. (2005) Metropolit Augustins Petresons. Dzīve un dards. 1873–1955. Rīga: Latvijas universitātes, žurnāls “Latvijas vēsture” fonds”. 292 p. (In Latv.)

Информация об авторе

И. В. Петров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9, Россия.

Вклад автора

Петров И. В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 июня 2022 г.; одобрена после рецензирования 24 июля 2022 г.; принята к публикации 8 августа 2022 г.

Information about the author

I. V. Petrov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of History, Saint-Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia.

Contribution of the author

Petrov I. V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 18, 2022; approved after reviewing July 24, 2022; accepted for publication August 8, 2022.